

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ДРИАДА

Ганс Христиан Андерсен

Дриада

«Public Domain»

1868

Андерсен Г.

Дриада / Г. Андерсен — «Public Domain», 1868

«Отправляемся в Париж, на выставку! Вот мы и там! То-то была поездка, настоящий полёт, и без малейшей примеси колдовства: пар мчал нас и по морю и посуху. Мы живём в сказочное время!..»

Ганс Христиан Андерсен

Дриада

Отправляемся в Париж, на выставку!

Вот мы и там! То-то была поездка, настоящий полёт, и без малейшей примеси колдовства: пар мчал нас и по морю и посуху.

Мы живём в сказочное время!

Теперь мы в центре Парижа, в большом отеле. Лестница вся уставлена цветами, устлана мягкими коврами. Номер наш очень удобен, уютен; дверь на балкон, выходящий на большую площадь, отворена. На площади уже весна; она прибыла в Париж, одновременно с нами, в лице пышного, молодого каштанового дерева с только что распустившиеюся нежною листвою. Оно опередило своим роскошным весенним нарядом все остальные деревья на площади! Одно из них уже вычеркнуто из числа живых и лежит на земле, вырванное с корнями. На его-то место и хотят посадить свежее каштановое деревцо.

Пока же оно возвышается на телеге, привезшей его в Париж из далёкой окрестности. Там оно росло годы рядом с могучим дубом, под которым часто присаживался славный старый священник. Ребятишки обступали его толпою, и он вёл с ними беседу. Прислушивалось к его речам и молодое каштановое деревцо; Дриада, обитавшая в нём, тоже, ведь, была ещё ребёнком. Она ещё живо помнила время, когда деревцо было совсем маленьким, таким маленьким, что чуть только выглядывало из высокой травы и папоротников. Но те-то уж выше стать не могли, деревцо же всё росло да росло год от году, впивая в себя воздух и солнечный свет, росу и дождь и получая, как водится, время от времени встрёпки от буйного ветра, – это уж входило в программу воспитания.

Дриада жила и наслаждалась жизнью, солнышком, пением птичек, но больше всего человеческим голосом; она понимала речь человека так же хорошо, как и речи животных и птиц.

Бабочки, стрекозы, мухи и вся остальная летучая компания часто являлись к ней с визитом. Все они болтали без умолку, рассказывали о деревнях, о виноградниках, о лесах, о старом замке и парке, о его каналах и прудах. В этих прудах также жили разные живые создания, которые могли перелетать с места на место – только по-своему, под водою. Создания эти были очень разумны, рассудительны и от большого ума даже не говорили ничего.

Морская же ласточка, нырявшая в воду, рассказывала Дриаде о хорошеньких золотых рыбках, о жирных лещах, толстых линиях и старых обросших мхом карасях. Ласточка отлично описывала, но видеть всё своими глазами всё же куда лучше, – прибавляла она. Да как же устроить это?! Дриаде приходилось довольствоваться зрелищем расстилавшейся перед нею роскошной равнины, да прислушиваться к суете и шуму человеческой жизни издали.

И Дриада наслаждалась и тем, и другим, но больше всего любила слушать рассказы старого священника о Франции, о славных деяниях героев и героинь, чьи имена благоговейно передаются из поколения в поколение.

Дриада слушала о пастушке Иоанне Д'Арк, о Шарлоте Кордэ, о старине, о Генрихе IV, о Наполеоне Первом и его времени, о былом и настоящем величии родины. Она слышала все эти славные имена, говорившие сердцу народа: «Франция – мировая страна, родина пытливого ума, очаг свободы!»

Деревенские ребятишки благоговейно внимали этим рассказам, Дриада тоже. И она училась наравне с прочими детьми. Плывущие по небу облака рисовали ей картину за картиной – иллюстрации ко всему слышанному ею. Облачное небо было для неё любимую книжкою с картинками.

Она чувствовала себя такою счастливой в своей прекрасной Франции, но чувствовала также, что любая птичка, любое крылатое существо куда счастливее её! Даже мухе дано видеть на белом свете куда больше, чем ей!

Франция обширна и прекрасна, а Дриаде суждено видеть лишь крошечную часть этой чудной страны, широко раскинувшей по лицу земли свои виноградники, леса и большие города. Самым лучшим, великолепнейшим из них был Париж, и птички могли в нём побывать, Дриада же – никогда!

Среди деревенских ребятишек была одна маленькая, бедная, оборванная девочка, красавица собою. Она вечно пела, вечно смеялась и вплетала в свои чёрные кудри красные цветочки.

– Смотри, не забирайся в Париж! – говаривал ей старый священник. – Бедное дитя, ты пропадёшь там!

Но она всё-таки отправилась в Париж.

Дриада часто вспоминала о ней: и её тоже тянуло, неудержимо влекло в этот огромный город.

Прошла весна, лето, осень, зима; прошло два-три года.

Каштановое деревцо впервые надело убор из нежных цветов, и птички наперерыв щебетали об этом друг другу; солнышко так и сияло. Вдруг на дороге показалась великолепная коляска; в ней сидела знатная дама, сама правившая красивыми быстроногими конями. Разодетый мальчик-жокей сидел позади. Дриада сразу признала молодую даму, старый священник тоже и – печально покачал головою:

– Ты всё-таки попала туда и погибла, бедняжка Мария!

«Бедняжка?» недоумевала Дриада. «Такое превращение! Она одета, как герцогиня! Вот что случилось с ней в этом волшебном городе! Ах, если бы и мне побывать там, насладиться его роскошью и блеском! Блеск его отражается даже на вечерних облаках! Я часто смотрю в ту сторону, где, знаю, находится Париж, и вижу на небе светлое сияние!»

Да, туда, в ту сторону Дриада смотрела каждый вечер, каждую ночь, – на горизонте растянулся какой-то светящийся туман. Как она скучала о нём в светлые, безоблачные, лунные ночи! Как скучала она тогда и о бегущих облаках, показывавших ей из жизни и истории города картину за картиною!

Дитя жадно хватается за свою книжку с картинками, Дриада хваталась за облачное небо, где отражались её мечты.

Чистое, безоблачное летнее небо было для неё белою страницей, и вот уже несколько дней, как оно оставалось таким. Стояли жаркие летние дни, без малейшей прохлады; листья и цветы охватила какая-то истома; людей тоже.

Но вот на небе собрались облака и как раз в той стороне, где сияющий туман говорил о Париже. Облака поднялись, образуя какие-то причудливые горные цепи, загромодили всё небо, нависли над всем видимым Дриаде горизонтом. И вот, из этих гигантских тёмно-синих облачных скал вырвались лучи молнии, «тоже слуги Божии» – как называл их старый священник. Голубая, ослепительная, как солнце, молния ударила в старый могучий дуб, проникла до самых его корней и расколола его пополам. Вершина и ствол дерева раздвоились и рухнули на землю, словно принимая посланницу света в свои объятия.

Громче, сильнее пушечного выстрела, приветствующего рождение принца, потряс воздух и разнёсся по всей окрестности удар грома, возвестивший кончину старого дуба. Полил дождь, подул свежий ветер, буря пронеслась, и вся природа опять засияла в праздничном блеске. Деревенские жители окружили поверженный дуб; старый священник почтил его словом, один художник рисовал его на память для потомства.

– Всё сменяется, проносится, как облако, и никогда не возвращается назад! – сказала Дриада.

Не возвращался сюда и старый священник: школьной кровли и кафедры его больше не существовало. Ребятишки тоже перестали приходить сюда, зато пришла осень, за нею зима, а там и опять весна. Времена года сменялись, а Дриада всё смотрела в одну сторону – в ту, где каждый вечер, каждую ночь стояло над Парижем сияющее туманное облако. Из столицы и в столицу мчались, свистя и пыхтя, паровоз за паровозом, поезд за поездом, мчались непрерывно – и утром, и днём, и вечером, день-деньской; в одни входили, из других выходили толпы людей, высланных сюда всеми странами мира; всех манило в Париж новое чудо света.

Какое же?

«На бесплодном, песчаном Марсовом поле» – говорил одни – «распустился роскошный цветок искусства и промышленности, гигантский подсолнечник, и по лепесткам его можно изучить географию, статистику и всякую механику, искусства и поэзию, познать величину и величие всех стран света!» «На Марсовом поле» – говорили другие – «вырос сказочный цветок, пёстрый лотос, распустивший над песком свои зелёные листья, словно бархатные ковры; распустился он раннею весною, летом достигнет апогея своей красоты, а осенью ветер развеет его лепестки, и от него не останется и следа!»

Перед «Военным Училищем» расстилается боевая арена мирного времени, поле без травы, словно вырезанное из песчаной африканской пустыни, где Фата-Моргана показывает свои диковинные воздушные замки и всяческие сады. Такие же замки и сады пленяют ныне взоры и на Марсовом поле, только здесь они, пожалуй, ещё богаче, ещё диковиннее: благодаря гению человеческой изобретательности они стали действительностью!

«На Марсовом поле» – шёл говор – «воздвигнут современный дворец Алладина, и день ото дня, час от часу развёртывает взорам всё новые и новые красоты. Стены обширных покоев выложены мрамором, пестреют красками. В огромной круглой зале работает своими стальными и железными мускулами мастер «Бескровный». Чудеса искусств из металла, из камня, художественно выполненные ткани, говорят о духовной жизни различных стран мира. Картинные галереи, роскошные цветники, всё, что только могут создать ум и руки человеческие, – всё собрано и выставлено здесь напоказ, не забыты даже памятники седой древности, извлечённые из старинных замков, из древних торфяных болот.»

Но, чтобы обнять взглядом, охватить эту пеструю подавляюще грандиозную панораму в целом и описать её, нужно сжать, уменьшить её до игрушечных размеров.

Да, на Марсовом поле, словно на гигантском игрушечном столе, под ёлкою, красовался замок Алладина, воздвигнутый соединёнными усилиями искусства и промышленности, а вокруг замка были расставлены диковинные и величественные безделушки из всех стран мира; каждая национальность могла унести отсюда воспоминание о своей родине.

Тут возвышался египетский дворец, там караван-сарай пустыни, мимо которого пронёсся на верблюде житель знойной степи, бедуин, здесь шли русские конюшни с огненными, великолепными конями, там ютилось крытое соломой жилище датского крестьянина с развевающимся Данеброгом на крыше, а рядом великолепный, деревянный, изукрашенный резьбою далекарлийский дом Густава Вазы. Американские хижины, английские коттеджи, французские павильоны, турецкие киоски, всевозможные церкви и театры были прихотливо разбросаны по свежей, покрытой дёрном площади, где журчала вода, росли цветущие кусты, редкие породы деревьев, помещались оранжереи, сразу переносившие посетителей в тропические леса, раскинулись под навесами целые сады роз, словно перенесённые сюда из Дамаска. Какое разнообразие красок, какое благоухание!

В искусственные сталактитовые пещеры были вделаны гигантских размеров аквариумы, одни с пресною, другие с солёною водой. Тут зритель попадал в царство рыб и полипов, как будто опускался на дно морское!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.